

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО JUS GENTIUM

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.148-162

Л. П. Ануфриева

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Российская судебная доктрина применения принципов и норм международного права

Резюме. Статья продолжает теоретическое освещение подходов к обширной и интенсивно актуализирующейся теме судебной доктрины (Ануфриева Л. П. Понятие «судебная доктрина» в отечественном правоведении (некоторые общие заметки) // *Lex russica*. 2021. № 12. С. 96–107). Непосредственным предметом рассмотрения в настоящем исследовании выступает отечественная судебная доктрина применения принципов и норм международного права (иногда называемая судебной доктриной международного права). Российская судебная доктрина применения основных принципов и норм исследуется с позиций выявления ее сущности на фоне присутствия в литературе ряда других словосочетаний: «международно-правовая доктрина», «судебная доктрина международного права», «международная судебная доктрина» (трагуемая как доктрина международного права, которая создается международными судами, арбитражами и иными органами разрешения межгосударственных споров). В свете этого важна дифференциация «международной» и «национальной» судебных доктрин международного права как различающихся категорий. Кроме того, представляется, что, когда речь идет об обращении судебных органов к международному праву, судебную доктрину отдельного государства целесообразно именовать национальной судебной доктриной применения принципов и норм международного права, хотя терминологически предлагаемое обозначение нельзя назвать устоявшимся. Однако в какую бы словесную форму ни облакалось рассматриваемое явление, нужно исходить из того, что судебная доктрина применения принципов и норм международного права, во-первых, нуждается в дефиниции; во-вторых, имеет относительно недавнюю историю и, в-третьих, имплицитно подразумевает вхождение в виде составной части в судебную доктрину конкретного государства вообще, рассматриваемую через призму его правовой системы.

Ключевые слова: международное право; научная доктрина; правовая доктрина; международная судебная доктрина; национальная судебная доктрина; обобщение судебной практики; Статут Международного Суда ООН; прецедент

Для цитирования: Ануфриева Л. П. Российская судебная доктрина применения принципов и норм международного права. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 12. С. 148–162. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.148-162

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР: 124012000079-6.

The Russian Judicial Doctrine on the Application of the Principles and Rules of International Law

Ludmila P. Anufrieva

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper continues the theoretical coverage of approaches to the extensive and intensively actualizing topic of judicial doctrine (Anufrieva LP. The Concept of «Judicial Doctrine» in Russian Jurisprudence (General Notes). *Lex russica*. 2021;12:96-100). The immediate subject of consideration in this study is the domestic judicial doctrine on the application of the principles and rules of international law (sometimes referred to as the judicial doctrine of international law). The Russian judicial doctrine on the application of basic principles and rules is studied from the perspective of identifying its essence against the background of the presence in the literature of a number of other phrases: «international legal doctrine», «judicial doctrine on international law», «international judicial doctrine» (interpreted as the doctrine of international law, which is created by international courts, arbitrations and other bodies for resolving interstate disputes). In light of this, it is important to differentiate the «international» and «national» judicial doctrines on international law as distinct categories. In addition, it seems that when it comes to the appeal of judicial authorities to international law, it is advisable to refer to the judicial doctrine of an individual state as the national judicial doctrine on the application of the principles and rules of international law, although terminologically the proposed designation cannot be called established. However, no matter what verbal form the phenomenon in question takes, it must be assumed that the judicial doctrine on the application of the principles and rules of international law, firstly, needs to be defined; secondly, it has a relatively recent history and, thirdly, implicitly implies its entry as an integral part into the judicial doctrine of a particular state, which is generally viewed through the prism of its legal system.

Keywords: international law; scientific doctrine; legal doctrine; international judicial doctrine; national judicial doctrine; generalization of judicial practice; Statute of the International Court of Justice; precedent

Cite as: Anufrieva LP. The Russian Judicial Doctrine on the Application of the Principles and Rules of International Law. *Lex russica*. 2025;78(12):148-162. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.148-162

Acknowledgements. The paper was prepared as part of a government assignment on «The Russian legal system in the context of digital transformation of society and the state: Adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006)». Registration number EGISU NIOKTR: 124012000079-6.

Введение

Геополитические условия современности, повлиявшие на состояние международных отношений и изменения в международно-правовой системе, служат драйвером усложнения инструментария взаимодействия двух систем права, конструирования и оснащения различных каналов их взаимного проникновения и воздействия друг на друга. «Международная» и «национальная» судебные доктрины применения принципов и норм международного права — неочевидные, но действенные части этих механизмов, так как именно национальная судебная доктрина применения международно-правовых норм выступает едва ли не стержневым элементом позиции государства в части решения дилемм соотношения междуна-

ного и внутригосударственного права. Зарубежная международно-правовая наука выделяет другой вектор влияющих на международное и национальное право изменений — увеличение числа международных судов, расширение их юрисдикционных полномочий, более частое обращение к ним государственных и негосударственных сторон, а также растущая склонность национальных судов применять международное право¹. Таким образом, с учетом действия совокупно и того и другого указанного направления нынешняя постановка вопроса о международном праве вообще, его доктрине и тем более о формировании и функционировании национальной судебной доктрины в области применения основных (общепризнанных) принципов и норм международного права по разным причинам представляет собой необы-

¹ См.: Shany Y. No Longer a Weak Department of Power? Reflections on the Emergence of a New International Judiciary // *European Journal of International Law*. Vol. 20. 2009. No. 1. P. 73.

чайно остро звучащую тему как в правоведении, так и в непосредственной деятельности судов и даже в правоприменении в целом, которая начала интенсивно исследоваться и в общем продвигаться вперед, хотя и с отставанием от уровня развития судебной доктрины, поступь которой в России можно, подходу с некоторой долей юмора, выразить лозунгом: «От “правовых позиций” судов — к судебной доктрине, “судебной юриспруденции” и “доктрине судебной юриспруденции”»².

Отклик науки и практики в отношении судебного применения принципов и норм международного права российскими судами соразмерен имеющимся тенденциям и их масштабам, действующим на данный момент в международной реальности. Закономерен факт, что чем больше судебные учреждения конкретного государства обращаются к принципам и нормам международного права в ходе осуществления правосудия, тем более развернутой и фундированной становится его судебная доктрина в указанном плане. Объективной основой и импульсом для возникновения и развития национальной судебной доктрины международного права послужили количественное и качественное нарастание международных связей между государствами, расширение географических и предметных сфер отношений и их усложнение, обусловившие обращение судов к международно-правовым нормам для целей разрешения дел. Некоторые из обозначенных и иные факторы, затрагивающие внутригосударственную сферу и активизацию деятельности национальных судов, характерны и для применения международного права международными органами правосудия, что подмечено и зарубежной наукой³. В частности, Ю. Шейни указывает на этот счет: «В то время, как в прошлом международное право применялось относительно редко, функционирование новой международной системы правосудия стало гораздо более “рутинным”, то есть международное право начало применяться чаще и с меньшей помпой, чем это было ранее»⁴. В кон-

тексте выявленных в международном правосудии недостатков автор выделяет возросшую роль национальных судов в качестве правоприменителей международного права, которая, по его мнению, может оказаться весьма действенной, хотя «существуют пределы тому, в какой степени национальные суды способны заполнить институциональный вакуум, который всё еще остается на межгосударственном уровне»⁵.

В то же время нынешний этап в политическом срезе действительности международных отношений и геополитической ситуации в мире обуславливает появление специфических черт для повышения значения формирования российской судебной доктрины применения принципов и норм международного права. Помимо всего прочего, внимание к данной области в нашей стране, думается, не в последнюю очередь продиктовано противодействием «санкционному давлению» на Россию со стороны западного блока государств и перекосам в межгосударственных отношениях, нападкам на эффективность международного права, а также вызвано необходимостью подчеркнуть охраняемые им ценности, которые всё чаще стали выпадать из фокуса международного сообщества, и высветить, кроме того, в национальной (русской) судебной доктрине применения принципов и норм международного права надлежащую его природу и место в современном миропорядке.

Понятие, признаки и генезис судебной доктрины. Международная и национальная судебные доктрины применения принципов и норм международного права

Не секрет, что практика российских судов в части применения принципов и норм международного права не может похвастаться богатым прошлым по объективно-историческим причинам: не слишком длительный срок ее существования и не столь большой объем дел, требовавших обращения к международному праву. На фоне

² Термины «судебная юриспруденция» и «доктрина судебной юриспруденции» см.: Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики : монография / отв. ред. Н. С. Бондарь. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ : Норма : Инфра-М, 2024. С. 11.

³ См.: *Shany Y. Op. cit.* P. 76.

⁴ *Shany Y. Op. cit.* P. 76.

⁵ *Shany Y. Op. cit.* P. 76.

Оставим в стороне могущее возникнуть в результате прочитанного об «институциональном вакууме» ощущение, являющееся несомненным заблуждением, будто бы внутригосударственные суды в принципе в состоянии заменить собой международные органы разрешения межгосударственных споров.

интенсивного научного осмысления понятия «судебная доктрина» применительно к историко-правовым, общетеоретическим аспектам, затронутым отечественной и зарубежной юридической наукой⁶, анализ неотъемлемой ее составляющей, которая касается применения международно-правовых принципов и норм, существенно отстает не только количественно, но и по разветвленности исследований, если судить по не очень многочисленным публикациям⁷ (иногда фрагментарным, «точечным» либо фактологически-описательным) по отдельным вопросам, частично или косвенно лежащим в плоскости судебной доктрины применения международного права в России.

Лишь в наше время — практически с началом третьей декады XXI столетия — в одном из коллективных трудов, в котором сделан шаг к обеспечению всестороннего взгляда на понятие «судебная доктрина», нашлось специальное место и для теоретического подхода к особому предмету — судебной доктрине применения норм международного права в национально-правовых и международно-правовой системах, равно как и для концептуального обоснования отдельных характеристик, предпосылок возникновения, проявления специфических их черт, попыток моделирования и др.⁸ Вслед за энциклопедическими и специальными изданиями прошлого⁹ в нем указывается, что под *доктриной международного права* в широком смысле

понимается система взглядов и концепций о сущности и назначении международного права в конкретных исторических условиях, в узком смысле — научные труды юристов-международников¹⁰. Здесь стоит подчеркнуть, что надлежащим ракурсом в приближении к судебной доктрине международного права, конечно же, должен быть избран именно широкий взгляд на изучаемое явление. Вместе с тем в структуре вышеупомянутой монографии различным сторонам общих понятий и обозначений «доктрина международного права»/«судебная доктрина международного права» с фокусом на предмете отведено, по сути, два раздела («К вопросу о международно-правовой модели судебной доктрины» (§ 3 гл. I) и «Концептуализация доктрины судебного прецедента в практике Международного Суда ООН» (§ 3 гл. II)¹¹. Из вышеприведенных наименований явствует, что в обоих случаях работа стремится к освещению нетривиальных проблем, однако содержательно их рассмотрение остается, по существу, в стороне от магистральной направленности труда: первый из указанных параграфов в целом представляет собой очерк институционального (структурного) подхода к международному правосудию, воссоздающий картину возникновения и эволюции международных судебных учреждений, пролиферации международных судов и отличий международного суда от внутригосударственных судов, а второй посвящен собственно Меж-

⁶ См. об этом: Ануфриева Л. П. Указ. соч. С. 97–98.

⁷ См., например: Ашавский Б. М. О роли доктрины в современном международном праве // Московский журнал международного права. 2012. № 1. С. 49–55; Хлестов О. Н. Российская доктрина международного права // Евразийский юридический журнал. 2013. № 3 (58); Гаджиев Х. И. Правовые доктрины, содействующие эффективности имплементации Конвенции в национальный правовой порядок // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе. М., 2019; Сидоренко А. И. Судебные доктрины в сфере интеллектуальных прав в России и за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 3. С. 100–115.

⁸ Судебные доктрины в российском праве: теория и практика : монография / П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев [и др.] ; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. М. : ИЗиСП : Норма : Инфра-М, 2020. С. 50–70, 124–142.

⁹ См.: Словарь международного права / Дипломат. акад. МИД СССР ; М. М. Аваков [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Междунар. отношения, 1986. С. 76; Большая юридическая энциклопедия: БЮЭ / авт. и сост. А. Б. Барихин. М. : Книжный мир, 2010; Додонов В. Н. Международное право : словарь-справочник / под общ. ред. В. Н. Трофимова. М. : Инфра-М, 1997. С. 65.

¹⁰ Большая юридическая энциклопедия. С. 219–220.

¹¹ Имеются и иные разделы, содержащие аллюзии на некоторые международно-правовые аспекты судебной доктрины: «Судебный прецедент в практике ЕСПЧ и российских судов (сравнительный анализ)» (§ 2 гл. II, с. 107–124), который всё же предметно и содержательно-понятийно стоит несколько особняком по отношению к единству проблематики судебной доктрины международного права с позиций строгого подхода; «Международно-правовой реализм судебной интерпретации и его проявление в

дународному Суду ООН и концепции судебного прецедента в рамках его деятельности.

В то же время уже в предисловии формулируется весьма плодотворный со многих позиций тезис, касающийся системы воззрений и интерпретаций, подлежащих выявлению применительно к судебной доктрине, следовательно, и к судебной доктрине международного права. В своих рекомендациях авторы предлагают обращаться в научном осмыслении не только к средствам формулирования отдельных теоретико-правовых обобщений, но также и к практико-ориентированным приемам анализа в связи с поиском способа перекинуть мост между общим (абстрактным предписанием правовой нормы) и конкретным жизненным случаем, подлежащим правовому решению¹². Помимо этого, выдвигаются и иные важные требования общего порядка в связи с концептуальными решениями моделирования национальных судебных доктрин международного права (в частности, необходимость сосредоточиться также на внешних факторах воздействия), что является оправданным, поскольку на современное правовое регулирование влияют не только национальные тенденции, но и общемировые (региональные) процессы по сближению правовых систем, увеличению числа межгосударственных связей и обязательств¹³ и др.

Вместе с тем нужно добавить, что с частью понятийного аппарата, касающегося судебной доктрины международного права, по причине разнообразия его составляющих предстоит еще долго разбираться. Как вытекает из изложенного, «международная судебная доктрина» международного права сосуществует с таковой «национальной», причем и то и другое требует конкретизации: что такое «международная судебная доктрина международного права», из чего она состоит и обладает ли единством; что

понимается под «национальной судебной доктриной международного права»; какова идентификация «российской судебной доктрины применения принципов норм международного права»; соотношение «доктрины международного права» в общенаучном смысле, «международной судебной доктрины» применения норм международного права и «национальной судебной доктрины международного права», в том числе российской судебной доктрины применения принципов и норм международного права и т.д.¹⁴ Не на все вопросы сиюминутно можно дать ответы, но выявить существенные черты некоторых из приведенных обозначений необходимо.

Понятие «национальная судебная доктрина международного права» (в том числе и российская так называемая *судебная доктрина международного права*) а лучше сказать — *судебная доктрина применения принципов и норм международного права*) выглядит не слишком исчерпывающим и точно определенным в зарубежной и отечественной юридической науке. Современные курсы международного права в большинстве случаев весьма лаконичны в отношении упоминаний даже о *доктрине права* в целом, а применительно к *судебной доктрине международного права* в национальной сфере практически индифферентны. Весьма критично они настроены и по отношению к *доктрине международного права*. Так, в немецком коллективном труде по международному праву под редакцией В. Г. Витцтума указывается, что роль «научной доктрины следует из ее исторического значения. <...> Международно-правовые концепции ученых различных стран и культур в настоящее время с трудом согласуются друг с другом», причем наблюдается снижение влияния коллективных мнений и коллективных заявлений международных ассоциаций юристов¹⁵.

толковании национальных судов» (§ 3 гл. III, с. 182–204). Нельзя также проигнорировать присутствие в монографии § 1 гл. II «Доктрина юридического суверенитета государства как социально-политический концепт судебной деятельности» (автор — В. В. Лазарев, с. 92–106).

¹² Судебные доктрины в российском праве: теория и практика. С. 11.

¹³ См.: Судебные доктрины в российском праве: теория и практика. С. 11–12.

¹⁴ Появившееся в новейших отечественных публикациях специфическое обозначение — «судебная юриспруденция» — квалифицируется авторами в качестве межотраслевой, междисциплинарной категории. Обладает ли тем же статусом «доктрина судебной юриспруденции» — неясно (см.: Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики. С. 11).

¹⁵ См.: Международное право = Volkerrecht / В. Г. Витцтум, М. Боте, Р. Дольцер [и др.] ; пер. с нем. Н. Спица ; сост. В. Бергманн. 2-е изд. М. : Инфотропик Медиа, 2015. Кн. 2. § 147.

Под историческим значением доктрины, скорее всего, надо понимать былое непосредственное воздействие трудов отдельных теоретиков и мыслителей на правотворчество; недаром международное

Что и говорить, спустя десятилетие после опубликования приведенных слов диссонанс мог только усилиться!

В том же, что касается «национальной судебной доктрины международного права», возникают сомнения даже в *возможности* распространения такого понятия на любое государство мира, вследствие чего не все специалисты безоговорочно считают понятие «судебная доктрина» пригодным для использования в российской правовой действительности. Ввиду отмеченного целесообразно обратиться к источникам анализируемого явления.

В научно-теоретических источниках констатируется, что судебная доктрина как юридическое понятие возникло в судебной практике США в связи с прецедентным правом, когда судьи при разрешении однотипных дел в целях обобщения массива прецедентов выработывали типовые подходы, которые и стали называться судебными доктринами, и «за годы существования суды США накопили огромное количество судебных прецедентов, разобраться в которых было непросто даже профессионалам»¹⁶. Однако, как указывают специалисты, «данная категория активно применяется в судебной практике США в специальном значении, не известном российской правовой системе, а именно в значении принципа (концепции) решения судебных дел, сходных по характеру. В процессе разрешения множества сходных судебных дел значение первого прецедента (первоисточника) постепенно утрачивается, благодаря многократному применению прецедент воспринимается как существующий сам по себе в виде судебной доктрины, которая исполняет роль эффективного средства обобщения судебной практики. Судебная доктрина имеет более высокий иерархический статус по сравнению с единичным прецедентом, который может быть

проигнорирован или отменен в последующих случаях»¹⁷.

Распространившийся не только в других странах Common Law, но и в государствах с системами континентального права термин «судебная доктрина» приобрел собственный смысл и назначение — выработка сходных прецедентов или решений по однотипным либо близким по характеру и предмету делам на основе устойчивых, типовых подходов и методов разрешения споров с учетом критериев, сложившихся в практике национальных судов, в целях *обобщения судебной практики*. Заслуживают внимания выводы юристов, касающиеся основных отличий судебных доктрин США от известных российской правовой системе научных доктрин и официальных политико-правовых доктрин:

1) судебная практика является источником подобных доктрин;

2) судебные доктрины формируются на основе принципа прецедента в результате принятия серии судебных решений;

3) судебные доктрины носят нормативный характер, но не имеют четкой внутренней структуры;

4) они являются универсальным средством обобщения обширной судебной практики¹⁸.

Даже беглый взгляд позволяет заключить, что большинство перечисленных позиций невозможно ни перенести на российскую почву, ни вплести в канву материи «судебной доктрины международных судов». Вместе с тем в свете обсуждаемых аспектов уместно, хотя бы попутно, упомянуть два небезынтересных факта. С одной стороны, специалисты отвергают пригодность ставшего распространенным в современных обстоятельствах трансформировавшегося смысла понятия «судебная доктрина» (т.е. обобщения прецедентов на основе

право и международное частное право именовались правом ученых, правом профессоров, университетским правом и т.д. с необычайно высоким коэффициентом *opinio doctorum* (см. об этом: Ануфриева Л. П. Указ. соч. С. 98–99).

¹⁶ Судебные доктрины в российском праве: теория и практика. С. 63.

¹⁷ Тарибо Е. В. Доктрины Конституционного Суда Российской Федерации в сфере налогообложения (теоретический и практический аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 11–12.

¹⁸ Тарибо Е. В. Доктрины Конституционного Суда Российской Федерации в сфере налогообложения... С. 12. Сравним приведенное с общим понятием судебной доктрины, как его увидели отечественные теоретики на более позднем этапе проведения исследований по проблеме: «Судебная доктрина, таким образом, представляет собой подтвержденный авторитетом судебной власти испытанный подход к решению конкретных судебных дел в контексте достижений правовой науки и судебной практики, одновременно направленный на их развитие» (см.: Гаджиев Х. И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 14).

критериев устойчивых или типовых подходов и методов разрешения споров) для формирования дефиниции «международная судебная доктрина» («доктрина международных судов») ¹⁹. С другой стороны, на базе соотнесения понятия судебной доктрины в англо-американском праве с результатами рассмотрения аналогичных по характеру дел в практике Конституционного Суда РФ российские правоведы аргументируют применимость понятия «судебная доктрина» в вышеуказанных параметрах. Так, Е. Т. Тарибо приходит к выводу, что «с увеличением количества решений Конституционного Суда РФ складываются объективные предпосылки для возникновения судебных доктрин в российском праве», и отмечает, что «уже сегодня могут быть выявлены судебные доктрины Конституционного Суда РФ (например, доктрина скрытых полномочий президента, доктрина необязательности налоговых льгот)» ²⁰. Не углубляясь ни в апологетику, ни в критику этих суждений, необходимо задаться вопросом, имеет ли сформулированная констатация одну конкретную дефиницию или более широкий спектр в сфере ее приложения, исходя из дифференциации категорий судебных учреждений в стране.

Судебная доктрина применения принципов и норм международного права в России

Указанные выше тонкости понимания существования судебной доктрины, думается, допустимо иметь в виду если не для дефиниции, то для отражения «национальной специфики» российской юридической реальности в преломлении к анализу модели судебной доктрины, хотя могут иметься и определенные изъяны в том, что касается некоторых ее деталей, особенностей или сопутствующих условий. Правда, отдельно требуется выделить «родовое» качество судебной доктрины, которое присутствует и в случае российской национальной судебной доктрины, —

способность выступать инструментом обобщения судебной практики.

В этом плане, очевидно, не будет искажением действительности констатировать отсутствие однородности, целостности и единства судебной доктрины в сфере применения принципов и норм международного права, выстроенной в закономерностях системы, т.е. как системного явления. Кое-что в подтверждение этого можно найти в современных разработках по теории права и государства: «...Несмотря на определенные ориентиры, которые закладываются в решениях и правовых позициях вышестоящих судов, а также некоторые универсальные подходы к толкованию судами юридических норм, сохраняется проблема единства судебной практики» ²¹. Приведенное *mutatis mutandis* справедливо и в оценках состояния процессов (а главное — результатов) толкования норм международного права российскими судами в ходе правоприменения, имеющего в принципе судебную доктрину международного права интегральной частью общегосударственной практики деятельности судов.

В самом деле, отдельные судебные акты КС РФ, серии постановлений пленумов ВС РФ (а ранее и ВАС РФ), информационные письма и обзоры ²², предназначенные для разъяснения высшими инстанциями норм права и приведения к единообразию судебной практики в стране в случаях, когда разрешение споров и рассмотрение общественных отношений в их рамках требуют обращения к принципам и нормам международного права, хотя и наличествуют, но не формируют доказательств системности в построении судебной доктрины в обозначенной области, поскольку документы, ее составляющие, носят разрозненный, спорадический характер, несмотря на соблюдение «тематического» критерия.

Вместе с тем неверно было бы отрицать значение упомянутых и других судебных актов, относящихся к рассматриваемой проблеме по-

¹⁹ Судебные доктрины в российском праве: теория и практика. С. 64 (автор раздела — А. Я. Капустин).

²⁰ Тарибо Е. В. Судебные доктрины и практика Конституционного Суда Российской Федерации // Право и политика. 2005. № 2. С. 118–220.

²¹ Гук П. А. Судебное толкование и применение норм законодательства // Общественные науки. Право. 2016. № 2 (38). С. 35–43.

²² Здесь имеются разные по иерархии документы: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и междуна-

нимания, эволюции и этапов формирования судебной доктрины международного права в России. Так, в свое время, формулируя разъяснения нижестоящим судам, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» указал: «Согласно принципу субсидиарности, являющемуся одним из основных принципов деятельности Европейского Суда по правам человека, защита прав и свобод человека, предусмотренных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколами к ней... возлагается прежде всего на органы государства, в том числе на суды» (п. 1)²³. Тем самым в российскую судебную практику была официально введена новая категория — «принцип субсидиарности», который

означает, что механизм, предусматриваемый в Конвенции, является вспомогательным по отношению к государственным судебным системам²⁴. В нормативном отношении доктрина субсидиарности известна как праву Европейского Союза, так и отдельным национальным правовым системам, правда, со своим юридическим содержанием.

От чего же еще следует отталкиваться в понимании феномена «национальная судебная доктрина международного права»? Как бы банально это ни звучало, важно подчеркнуть роль общетеоретических основ, выработанных применительно к близким понятиям, содержащим термин «доктрина», которые были освещены в настоящем исследовании, так и в публикациях других авторов. Иными словами, необходимо выявить значение концепта «судебная доктрина международного права» на

родных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12 ; постановление Пленума ВАС РФ от 11.06.1999 № 8 (ред. от 27.06.2017 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса» // Вестник ВАС РФ. 1999. № 8 ; информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 96 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 3 ; информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 5 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 и Протоколов к ней» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8, август ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8, август ; Обзор практики разрешения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017) // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 7, июль ; Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.12.2021). См. также периодические обзоры практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека, подготовленные Верховным Судом РФ (2015, 2018, 2020, 2022 гг.).

²³ См. также: п. 2 постановления: «Как следует из положений статьи 46 Конвенции, статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, правовые позиции Европейского Суда по правам человека... которые содержатся в окончательных постановлениях Суда, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов».

²⁴ Подробнее см.: *Гаджиев Х. И.* Влияние правовой аргументации на эффективность международного и национального правосудия // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 148–161 ; *Аристова К. С.* Принцип субсидиарности в деятельности Европейского Суда по правам человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 3. URL: <http://dislib.ru/yuridicheskie/108725-1-princip-subsidiarnosti-deyatelnosti-evropeskogo-suda-po-pravam-cheloveka.php>.

Некоторые юристы, опираясь на научный аппарат философии, апологизируют философский «принцип дополненности» в качестве составляющей правового принципа субсидиарности (см.: *Лазарев В. В.*

основе ее сопоставления с сопряженными объектами, коррелятами в рамках которого будут выступать уже фигурировавшие понятия: «наука»/«научная доктрина», «правовая доктрина», «судебная доктрина». Юристы из Польши и России (заметим, оправданно) считают, что «роль юридической доктрины особенно важна в таких сферах, как законотворческий процесс и правоприменительная практика. Законодатель не просто черпает из науки категориальный и дефинитивный материалы, а основывается на разрабатываемых ею концептуальных положениях, определяемых в ней стратегических направлениях, заимствуя методологические основы и правовые принципы. Правоприменительная практика также прибегает к доктринальным выводам и аксиомам»²⁵. В том, что касается уяснения понятий, в которые входит термин «доктрина», безусловно важно понимание связи между всеми позициями обозначенного списка. Наряду с этим, непреложно и требование об их разграничении. Наиболее уязвимым пунктом является дифференциация науки и доктрины, а именно он и становится центральным при использовании часто цитируемых норм Статута Международного суда ООН (ICJ). В вышеупомянутом труде авторы констатируют распространение определений, уравнивающих эти понятия: «Однако сами по себе результаты науки, воплощенные в статьях, монографиях и диссертациях, еще не составляют доктрины. Многие научно значимые теоретические выводы не могут быть однозначно верифицированы общественной практикой, в то время как доктринальные положения обяза-

тельно подтверждаются эмпирически. Обоснованным представляется широкий взгляд на доктрину как на принятое в науке мнение, которое ассоциируется со школой или авторитетным юристом, комплексами идей, но не совокупностью личностей. Не вся юридическая наука преобразуется в доктрину, и не вся доктрина является воплощением науки»²⁶. С последними тезисами сложно не согласиться. Понятно, что простое цитирование (даже самое обильное) в судебных актах высказываний или аргументов отдельных авторов по тому или иному вопросу, встречающееся порой в правоприменительной практике²⁷, не в состоянии выступить в качестве судебной доктрины.

Сложности правоприменения и решения конкретных проблем в случаях использования международного права и формирования доктрины обусловлены тем, что суду приходится иметь, как водителю автомобиля, периферическое зрение: особенности судебной доктрины международного права предполагают необходимость обращаться и учитывать не только правовую доктрину собственной страны, но и доктрину международного права, выработанную международными судебными учреждениями и иными органами, а также национальные правовые и судебные доктрины в области международного и внутригосударственного права и сравнительного правоведения (компаративистики) прочих государств. Здесь, таким образом, как нигде, уместен прием интегративного мышления и выработанный на его основе подход, постулируемый в литературе²⁸. Именно таким путем доктрина законных ожиданий

Философские основы имплементационной деятельности // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 5–18).

²⁵ См.: Доктрина права: понятие, сущность, национальные особенности / под общ. ред. Р. В. Пузикова, Я. Зелинского. Тамбов : Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2016. С. 12.

²⁶ Доктрина права: понятие, сущность, национальные особенности. С. 12.

Однако нельзя в этой связи не привести мнение В. Фридмана, усматривавшего предназначение науки в выработке «дерзких идей», причем наука, по его мнению, должна оставаться задачей отдельных специалистов (см.: *Friedmann W. The Changing Structure of International Law*. New York, Columbia University Press, 1964. P. 149).

²⁷ См. в этой связи: решение Арбитражного суда Ростовской области от 28.02.2014 № А53-29016/2013 по иску общероссийской общественной организации «Общество по коллективному управлению правами “Всероссийская организация интеллектуальной собственности”» к ответчику обществу с ограниченной ответственностью «Текстиль-маркет “Модерн мужская одежда”», г. Ростов н/Д ; постановление Пятнадцатого Арбитражного апелляционного суда г. Ростова-на-Дону от 08.02.2015 № 15АП-4696/2014 по апелляционной жалобе на решение Арбитражного суда первой инстанции по указанному делу // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ См.: *Гаджиев Х. И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения* // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 20 ; *Lewis C. Fairness. Legitimate Expectations and Estoppel* // *Modern Law Review*. 1986.

(legal expectation), зародившаяся в английском правопорядке в качестве судебного контроля в административном праве, была введена Европейским Судом по правам человека постановлением по спору *Pine Valley Developments LTD. and Others v. Ireland* (Judgment of 29 November 1991²⁹) и стала применяться им в дальнейшем³⁰. Нечто похожее свойственно и праву Всемирной торговой организации — оно оперирует презумпцией разумных ожиданий, активно используемой третейскими группами и Апелляционным органом при разрешении споров в ОРС ВТО. Любопытно, что в комментариях, выпускавшихся в свое время на систематической основе ВАС РФ³¹, к практике рассмотрения коммерческих споров, компетенцией по которым обладают российские арбитражные суды,

о «доктрине законных ожиданий» нет упоминания, но применительно к тому же делу *Stretch v. the United Kingdom* другие аналитики поставили элемент требования в более «приземленный» контекст права «на получение от государства денежных возмещений вреда, возврата налоговых выплат»³² (что в принципе указывает на различия и отсутствие в конечном счете консолидированного доктринального взгляда). Можно привести немало примеров судебных доктрин в самых разных сферах отечественного правоприменения: уголовном, налоговом, торговом, банковском, гражданском и предпринимательском праве³³.

Роль судебных обзоров и комментариев несомненно позитивна, если она состоит не только в анализе судебной практики, но и в

Vol. 49. Iss. 2. P. 250–252 ; *Кондрашова М. А.* Соотношение эстоппеля и доктрины законных ожиданий // Вестник гражданского права. 2020. № 3. С. 199–214.

²⁹ В пункте 51 постановления ЕСПЧ от 29.11.1991 по делу *Pine Valley Developments Ltd. and Others v. Ireland* Суд отметил, что законные ожидания могут послужить основанием для защиты интересов частного лица, если они возникли на основании решения, принятого органом власти при отсутствии полномочий на его принятие, в целях компенсации ущерба, причиненного таким решением частному лицу, и устранения несправедливости (URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-57711>).

³⁰ В частности, в постановлении Европейского Суда по правам человека от 24.07.2003 по спору *Stretch v. the United Kingdom* (жалоба № 44277/98) дан четкий утвердительный ответ по поводу защиты законных ожиданий частного лица, если основанием их возникновения является решение, принятое органом публичной власти с нарушением компетенции или с превышением полномочий (URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-61173> (дата обращения: 12.08.2025)).

³¹ См.: Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации / Д. В. Афанасьев, Л. В. Белоусов [и др.] ; под ред. Л. А. Новоселовой, М. А. Рожковой. М. : Статут, 2008. Вып. 5. 247 с.

В свете обсуждения явления «российская судебная доктрина» и проблем судебной практики в РФ именно в части формирования судебной доктрины обращение к подобным публикациям особенно примечательно, поскольку они проливают свет и на особенности понятия судебной доктрины: «Основная цель данных изданий — анализ и комментариев позиций, сформулированных в постановлениях Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ и в информационных письмах Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ. <...> В обычных условиях изменения законодательства арбитражные суды начинают руководствоваться нормами обновленного закона с момента вступления его в действие. Ситуация несколько усложняется, если в отношении применения той или иной правовой нормы сложилась устойчивая судебная практика, и в условиях действия принципиального изменения законодательства такая практика не может рассматриваться как соответствующая закону. <...> Судебная практика в подобных условиях начинает формировать различные подходы к решению одних и тех же вопросов, что негативно сказывается в первую очередь на возможностях обращающихся в арбитражные суды лиц оперативно и эффективно защитить свои права» (с. 2).

³² См.: Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. С. 12.

³³ О применении доктрины разумной деловой цели, доктрины приоритета существа над формой, доктрины фактического выгодоприобретателя и других в делах по налогообложению см.: *Смирнов Г.* Использование судебных доктрин ВАС при применении уголовного закона // Информационный портал «Право.ру». URL: <https://pravo.ru/review/view/66236/> (дата обращения: 10.10.2025) ; *Разгильдеев А. В.* Должная осмотрительность налогоплательщика: в каких случаях она необходима и что под ней подразумевается. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от

рассмотрении законодательства в свете необходимости выработки «судебной доктрины», с охватом и национальной судебной доктрины применения норм международного права. Комментарии указанного типа при условии органичного сочетания эмпирических оценок содержания старых и новых (измененных) норм законодательства, соответствующих индивидуальных и коллективных научно-теоретических авторских разработок, совместно с анализом постановлений высших судебных инстанций и научным компонентом тщательного исследования правовых норм как раз и способны составить остов национальной судебной доктрины в искомом значении данного понятия.

Ввиду разнообразия направлений современного судебного применения принципов и норм международного права в России целесообразно назвать наиболее актуальные из остро дебатированных тем. Множество ситуаций, которые вынуждают российские суды обращаться к нормам международного права, возникают преимущественно в области экономических отношений, а также защиты прав человека, причем зачастую в сфере действия уголовного, административного права и процесса, правового положения иностранных граждан либо юридических лиц и др., вовлекая в орбиту обращения к нормам международного права суды общей юрисдикции, арбитражные суды и суды по интеллектуальным правам РФ. В рамках деятельности КС РФ нередко демонстрируются попытки активизировать продвижение судебной доктрины в сторону выработки правовых

позиций в сфере фундаментальных проблем международного права — основных принципов (общепризнанных принципов и норм) международного права, *jus cogens*, «прямого действия» международных договоров и ряд других сложнейших в теоретическом и прикладном отношении аспектов.

Заключение

Поскольку по ходу изложения в статье уже высказывались обобщающие соображения, резюмируем завершающие положения. Прежде всего, важно подчеркнуть следующее:

1. «Судебная доктрина» вообще и «российская судебная доктрина применения принципов и норм международного права» — не слепок с того, что имелось изначально в ее американском образце, и тем более не повтор того, во что он трансформировался впоследствии.

2. Российская судебная доктрина — отнюдь не «новая теория международного права», в буквальном смысле рождаемая судами (судебной практикой), как иногда полагают отдельные представители международно-правовой науки и судейского сообщества, а инструмент обобщения судебной практики в процессе правоприменения, последовательного и устойчивого. Существует капитальное заблуждение, будто только доктрина, основанная на судебной практике, является надлежащей. На деле, если говорить о российской правовой системе и ее судебной доктрине, включая и судебную доктрину при-

---

29.11.2016 № 305-КГ16-10399 // Вестник экономического правосудия. 2017. № 3. С. 9–15; *Тарибо Е. В.* Судебно-конституционная доктрина «факультативности налоговых льгот»: пределы применения // Журнал конституционного правосудия. 2003. № 2. С. 10–17.

Доктрины должной осмотрительности налогоплательщика и снятия корпоративной вуали (вариации: снятия корпоративной маски, *alter ego* и др.) довольно хорошо знакомы зарубежным правовым порядкам (например: *Ибрагимова Ю. Э.* Роль судебных доктрин в практике арбитражных судов // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 174; *Филатова У. Б., Горбач О. В.* Доктрина «снятия корпоративной вуали»: некоторые аспекты применения // Гражданское право. 2019. № 1. С. 7–10). Об истоках доктрины см.: *Кирина Д. С.* Некоторые аспекты применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в США // Вестник магистратуры. 2021. № 6-3 (117).

Аналог доктрины должной осмотрительности налогоплательщика — концепция особой осмотрительности (*special diligence*) — получила отражение и в практике ЕСПЧ (см.: постановление ЕСПЧ от 22.01.2009 «“Булвес АД” (Bulves AD) против Болгарии» (жалоба № 3991/03, пп. 65–67 и сл.) // Официальный портал Европейского Суда по правам человека. URL: <http://www.echr.coe.int>). Доктрина корпоративной вуали также фигурирует в актах ЕСПЧ (см.: постановление Европейского Суда по делу «G.J. против Люксембурга» (G.J. v. Luxembourg) от 26.10.2000, жалоба № 21156/93, § 24). Крайне незначительно эта концепция использовалась и в деле «ОАО “Нефтяная компания “Юкос” (ОАО Neftyanaya Kompaniya Yukos) против Российской Федерации» (жалоба № 14902/04) (см.: постановление ЕСПЧ от 31.07.2014 // СПС «КонсультантПлюс»)).

менения принципов и норм международного права, судебная практика в России сама по себе не творит ни права, ни правовой (научной) доктрины, ни, разумеется, «судебной доктрины», так как суды в ряде случаев могут сформировать свои собственные правовые позиции, которые будут совпадающими по отношению друг к другу, но это еще не залог обязательного возникновения соответствующего элемента (либо вектора/направления) судебной доктрины, так как последняя — продукт длительного и методичного процесса, а не сиюминутный или единственный акт какого-либо судебного учреждения, если только речь не идет об обобщении судебной практики в таком конкретном акте высшей судебной инстанции.

3. В принципе неприемлемо наделяние судебной доктрины и судебной практики приматом по отношению к юридической науке и теории международного права, как и свойствами прецедентов, что также встречается в литературе; в свою очередь, вряд ли возможно и допущение реальности превращения их в полигон для апробации попыток совершать открытия в международно-правовой науке.

4. Лишь базируясь на фундаменте устойчивых основополагающих (общеюридического либо конкретного/частного характера) и профильных знаниях теории и практики международного права (недаром термин «доктрина» непременно «ассоциируется с исследовательской деятельностью специалистов-ученых по

выработке и систематизации знаний об обществе, в случае международной социальной сферы — о международном праве и международном сообществе»³⁴), в том числе и международной судебной доктрины, национальная российская судебная доктрина применения принципов и норм международного права в состоянии будет обеспечивать свое предназначение эффективно воздействовать на согласованность и единообразие судебной практики в системе внутригосударственных судов.

В качестве послесловия к публикации есть соблазн сделать небольшое отступление. Активно цитируемой, в том числе и в российской международно-правовой литературе, монографической работе Карло Фокарелли *International Law as Social Construct. The Struggle for Global Justice* («Международное право как социальный конструкт. Борьба за глобальное правосудие»³⁵), которая получила большой резонанс в юридическом научном сообществе, предпослан эпиграф: «Для чего нужна гора? — Чтобы луна зашла за нее». Загадка заключается в том, как появляется тот или иной феномен (или предмет) и для чего он нужен? Представляется, что эта аллегория уместна в ее приложении к «российской судебной доктрине применения принципов и норм международного права», фигурирующей как гора, за которую заходит луна — «национальная судебная доктрина» в целом и «международная судебная доктрина» применения норм международного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации / Д. В. Афанасьев, Л. В. Белоусов [и др.] ; под ред. Л. А. Новоселовой, М. А. Рожковой. М. : Статут, 2008. Вып. 5. 247 с.

Ануфриева Л. П. Понятие «судебная доктрина» в отечественном правоведении (некоторые общие заметки) // *Lex russica*. 2021. № 12. С. 96–107.

Аристова К. С. Принцип subsidiarity в деятельности Европейского Суда по правам человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

Ашавский Б. М. О роли доктрины в современном международном праве // *Московский журнал международного права*. 2012. № 1. С. 49–55.

Большая юридическая энциклопедия : БЮЭ / авт. и сост. А. Б. Барихин. М. : Книжный мир, 2010. 959 с.

Гаджиев Х. И. Влияние правовой аргументации на эффективность международного и национального правосудия // *Журнал российского права*. 2021. № 6. С. 148–161.

Гаджиев Х. И. Правовые доктрины, содействующие эффективности имплементации Конвенции в национальный правовой порядок // *Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения = Implementation of the*

³⁴ См.: Судебные доктрины в российском праве: теория и практика. С. 66.

³⁵ *Focarelli C. International Law as Social Construct. The Struggle for Global Justice*. Oxford, 2012. 571 p.

judgments of the European Court of human rights in the russian legal system: concepts, legal approaches and practice : монография / Т. Я. Хабриева, А. Я. Капустин, А. И. Ковлер [и др.] ; под общ. ред. д-ра юрид. наук, профессора В. В. Лазарева ; ИЗИСП при Правительстве РФ. М. : Норма : Инфра-М, 2019. 415 с.

Гаджиев Х. И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 14–27.

Гук П. А. Судебное толкование и применение норм законодательства // Общественные науки. Право. 2016. № 2 (38). С. 35–43.

Додонов В. Н., Панов В. П., Румянцев О. Г. Международное право : словарь-справочник / под общ. ред. В. Н. Трофимова. М. : Инфра-М, 1997. 362 с.

Ибрагимов Ю. Э. Роль судебных доктрин в практике арбитражных судов // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 172–185.

Кондрашова М. А. Соотношение эстоппеля и доктрины законных ожиданий // Вестник гражданского права. 2020. № 3. С. 199–214.

Лазарев В. В. Философские основы имплементационной деятельности // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 5–18.

Международное право = Völkerrecht / Вольфганг Граф Витцтум, М. Боте, Р. Дольцер [и др.] ; пер. с нем. Н. Спица ; сост. В. Бергманн. 2-е изд. М. : Инфотропик Медиа, 2015. Кн. 2. 1072 с.

Разгильдеев А. В. Должная осмотрительность налогоплательщика: в каких случаях она необходима и что под ней подразумевается. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 29 ноября 2016 г. № 305-КГ16-10399 // Вестник экономического правосудия. 2017. № 3. С. 9–15.

Сидоренко А. И. Судебные доктрины в сфере интеллектуальных прав в России и за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 3. С. 100–115.

Словарь международного права / Дипломат. акад. МИД СССР ; М. М. Аваков [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Междунар. отношения, 1986. 432 с.

Смирнов Г. Использование судебных доктрин ВАС при применении уголовного закона // Информационный портал «Право.ру». URL: <https://pravo.ru/review/view/66236/>.

Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики : монография / отв. ред. Н. С. Бондарь. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ : Норма : Инфра-М, 2024. 384 с.

Судебные доктрины в российском праве: теория и практика : монография / П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев [и др.] ; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. М. : ИЗИСП: Норма : Инфра-М, 2020. 344 с.

Тарибо Е. В. Доктрины Конституционного Суда Российской Федерации в сфере налогообложения (теоретический и практический аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

Тарибо Е. В. Судебно-конституционная доктрина «факультативности налоговых льгот»: пределы применения // Журнал конституционного правосудия. 2003. № 2. С. 10–17.

Тарибо Е. В. Судебные доктрины и практика Конституционного Суда Российской Федерации // Право и политика. 2005. № 2. С. 118–220.

Филатова У. Б., Горбач О. В. Доктрина «снятия корпоративной вуали» некоторые аспекты применения // Гражданское право. 2019. № 1. С. 7–10.

Хлестов О. Н. Российская доктрина международного права // Евразийский юридический журнал. 2013. № 3 (58). С. 19–22.

REFERENCES

Afanasyev DV, Belousov LV, et al. An analysis and comments of the decisions of the Plenum and reviews of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. Novoselova LA, Rozhkova MA, editors. Moscow: Statut Publ.; 2008. Issue 5. (In Russ.).

Anufrieva LP. The Concept of «Judicial Doctrine» in Russian Jurisprudence (General Notes). *Lex russica*. 2021;12:96-107. (In Russ.).

Aristova KS. The principle of subsidiarity in the activities of the European Court of Human Rights. The author's abstract of the Cand. Diss. (Law). Moscow; 2012. (In Russ.).

Ashavsky BM. On the role of doctrine in modern international law. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2012;1:49-55. (In Russ.).

Avakov MM et al. Dictionary of International Law. Diplomat. akad. MID SSSR. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Mezhdunarod. otnosheniya Publ.; 1986. (In Russ.).

Bondar NS, editor. Judicial jurisprudence: From doctrine to uniformity of judicial practice: A monograph. Moscow: IZiSP under the Government of the Russian Federation: Norma: Infra-M Publ.; 2024. (In Russ.).

Dodonov VN, Panov VP, Rummyantsev OG. International law: A dictionary. Trofimova VN, editor. Moscow: Infra-M Publ.; 1997. (In Russ.).

Filatova UB, Gorbach OV. The doctrine of «lifting the corporate veil». Some aspects of its application. *Grazhdanskoe pravo*. 2019;1:7-10. (In Russ.).

Gadzhiev Khl. Judicial doctrines and the effectiveness of law enforcement. *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2019;6:14-27. (In Russ.).

Gadzhiev Khl. Legal doctrines contributing to the effectiveness of the implementation of the Convention in the national legal order. In: Khabrieva TYa, Kapustin AYa, Kovler AI, et al. *Implementation of the judgments of the European Court of Human Rights in the Russian legal system: concepts, legal approaches and practice*. A monograph. Lazarev VV, editor. SISP under the Government of the Russian Federation: Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2019. (In Russ.).

Gadzhiev Khl. The influence of legal argumentation on the effectiveness of international and national justice. *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2021;6:148-161. (In Russ.).

Guk PA. Judicial interpretation and application of legislation. *Obshchestvennye nauki. Pravo*. 2016;2(38):35-43. (In Russ.).

Ibragimova YuE. The role of judicial doctrines in the practice of arbitration courts. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2020;4:172-185. (In Russ.).

Khlestov ON. The Russian doctrine of international law. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2013;3(58):19-22. (In Russ.).

Kondrashova MA. The relationship between estoppel and the doctrine of legitimate expectations. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2020;3:199-214. (In Russ.).

Lazarev VV. Philosophical foundations of implementation activity. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2020;9:5-18. (In Russ.).

Razgildeev AV. Taxpayer due diligence: In what cases is it necessary and what does it imply. Commentary to the ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 29, 2016, No. 305-KG16-10399. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya*. 2017;3:9-15. (In Russ.).

Serkov PP, Lazarev VV, Gadzhiev Khl, et al. Judicial doctrines in Russian law: Theory and practice. A monograph. Edited by Lazarev VV, Gadzhiev Khl. Moscow: IZiSP: Norma: Infra-M Publ.; 2020. (In Russ.).

Sidorenko AI. Judicial doctrines in the field of intellectual property rights in Russia and abroad. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*. 2021;3:100-115. (In Russ.).

Smirnov G. The use of judicial doctrines of the Supreme Arbitration Court in the application of criminal law. Pravo.ru Information Portal. Available at: <https://pravo.ru/review/view/66236/>. (In Russ.).

Taribo EV. Doctrines of the Constitutional Court of the Russian Federation in the field of taxation (theoretical and practical aspects). The author's abstract of the Cand. Diss. (Law). Moscow; 2005. (In Russ.).

Taribo EV. Judicial doctrines and practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Pravo i politika [Law and politics]*. 2005;2:118-220. (In Russ.).

Taribo EV. The judicial and constitutional doctrine of «optional tax benefits»: the limits of application. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya [Journal of Constitutional Justice]*. 2003;2:10-17. (In Russ.).

The Great Legal Encyclopedia: BYuE. Compiled by Barikhin BA. Moscow: Knizhny Mir Publ.; 2010. (In Russ.).

Wolfgang Graf Witztum, Bothe M, Dolzer R, et al. International law = Volkerrecht. Translated from German by Spitsa N; comp. by Bergmann V. 2nd ed. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2015. Book 2. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ануфриева Людмила Петровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
lpanufrieva@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila P. Anufrieva, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
lpanufrieva@msal.ru

Материал поступил в редакцию 25 мая 2024 г.

Статья получена после рецензирования 13 ноября 2025 г.

Принята к печати 15 ноября 2025 г.

Received 25.05.2024.

Revised 13.11.2025.

Accepted 15.11.2025.